

ОТ САХАРОВА ДО ХАСБУЛАТОВА (Трансформация нашего демократического движения)

В ситуации, возникшей после провала путча 19 августа, когда демократическое движение разгромило своих врагов и превратилось в господствующую в России силу, особенно важно подумать над тем, что это движение собой представляет, куда и как оно развивается. На наш взгляд, его эволюция повторяет логику развития любого идущего к власти революционного движения — это логика постепенной и незаметной подмены целей средствами. В начале движения в нем доминирует героическая и идеалистическая, «донкихотская» фигура академика Сахарова, вокруг которого группируются немногие бывшие диссиденты и либеральные интеллигенты. Это — эпоха, когда до настоящей политики, то есть борьбы за власть, ещё далеко и когда участие в движении потенциально обладает колоссальной политической силой, ибо в обществе накоплен громадный протест против «старого режима» и коммунистической идеологии, и как только появляются демократические выборные институты, принадлежность к движению оказывается средством для приобретения реальной власти и статуса.

На выборах народных депутатов СССР становится очевидно, что в крупных российских городах демократы могут победить. Начинается создание организационных структур и борьба за победу на выборах, за власть. И в это время, хотя в движении доминируют еще люди «старого типа» — Сахаров, Карякин, Адамович и др., приобретшие известность вне политики, в их профессиональных сферах, и в политике — «любители», — появляются и люди нового типа и более молодого поколения, фактически сразу же начинающие свою

деятельность как профессиональные политики-демократы. При этом постепенно старые «любители», естественно, отходят на задний план, ибо политика — серьёзное дело, требующее самоотдачи. Не могут Евтушенко или Адамович заниматься ею так, как Станкевич и Заславский.

Профессионализация демократической политики, вытеснение в демократическом движении профессионалами дилетантов — нормальный процесс. И также нормально и естественно, что этот процесс постепенно трансформирует дух, мораль и в конечном счете — идеологию движения. «Настоящий» политик, профессионал, может быть не менее порядочен, чем «любитель» (политика — не более грязное дело, чем любое другое), но у него — иные жизненные задачи и соответственно — иная система ценностей. Политика — дело его жизни, и он просто не может позволить себе то, что может позволить человек, для которого эта сфера — не единственная и не главная. Поэтому чем «серьезнее» становится наше демократическое движение, тем оно становится «циничнее». Цель в нем начинает оправдывать средства. Уже в межрегиональной группе возникает новый партийный дух, тот дух, который позволял, например, Гдляну обвинять Лигачева во взятках, так и не предъявив никаких доказательств, а другим «межрегионалам» — считать, что это совершенно нормально (идет борьба, а Лигачев — враг).

Если выборы народных депутатов СССР — первый этап движения демократов к власти, то выборы в местные Советы и депутатов РСФСР — второй этап. Демократы пришли к власти в Москве, Ленинграде, а затем и в России. И одновременно это — второй этап перерождения движения. Их лидер — уже не «Дон Кихот» Сахаров, смерть которого ставит черту под целой эпохой истории движения, а перешедший к демократам бывший член Политбюро Ельцин. Старый тип известных либеральных интеллигентов, любителей в политике, в российском парламенте почти не представлен. Быть демократом стало уже определено выгодно. Начинается массовое бегство из КПСС в демократический лагерь, и те же люди, которые раньше толпились на Старой площади, начинают толпиться в Белом доме. Соответственно происходят и бурные трансформации в идеологии. На первый план выдвигается лозунг «российского суверенитета», позволяющий установить союз одновременно с сепаратизмом союзных республик и с русским национализмом, но идее демократии отнюдь не тождественный. И если на раннем этапе движения выдвигалось требование передать Карабах армянам, то теперь почти незамеченной проходит трагедия турок-месхетинцев (ибо борьба за их права может означать косвенную поддержку союзных структур). Вскоре выдвигаются принципы незыблемости республиканских границ и сохранения старого статуса автономий, полностью противоречащие не только идеям, господствовавшим на раннем этапе движения, но и праву наций на самоопределение. При этом никаких голосов протеста не раздаётся — движение идет к власти и ему не до принципов.

Путч 19 августа — третий этап эволюции. Он дал возможность полностью разгромить оппозицию, и одновременно «героическая защита Белого дома» дала как бы индульгенцию на всё. Вновь закрываются газеты (теперь уже — недемократические), смещаются нелояльные местные власти. Россия выступает как «супердержава» Союза и, сразу же после того как она провозгласила принцип незыблемости границ, заявляет, что у нее есть территориальные претензии ко всем соседям. Одновременно в российском парламенте торжествует новый (и одновременно — очень древний) дух «аплодисментов, переходящих в овацию». Демократы превращаются в «так называемых демократов» именно тогда, когда никто уже не решается их так называть. Победа демократов оборачивается серьезной угрозой для демократии, и уже очень четко вырисовывается перспектива авторитарного популистского режима с вождем, «народным президентом», во главе, базирующимся на преданном ему «демократическом движении», в идеологии и символике которого преобладают антикоммунизм, русский национализм и националистически окрашенное православие. Большевикско-фашистский дух, изгнанный в дверь, с удивительной легкостью пролез в окно.

Произошло то, что в истории происходило тысячи раз, начиная с эволюции раннего христианства и кончая эволюцией большевизма. Логика борьбы за власть подменяет цели средствами, делает средства — власть, привлечение на свою сторону масс — реальными целями, до неузнаваемости трансформируя идеологию. Движение подчиняет себе массы, но одновременно само подчиняется им, их предрассудкам, их сознанию. И в стране с нашей политической традицией любая идеология, победив в масштабе страны, став господствующей, неизбежно приобретет «фашистоидные» черты. То, что она начертала

демократию на своем знамени, такая же малая этому помеха, как изначальный интернационализм большевиков был помехой в становлении сталинского режима с его русским шовинизмом и антисемитизмом. Все идет «как положено». Что же делать?

Демократия — не господство партии «демократов», тем более наших «демократов». Демократия — это борьба партий в рамках закона. Сейчас демократы оказались практически без оппозиции, ибо компартия распалась. Но если демократам оппозиция не нужна, то демократии она нужна как воздух. Поэтому нам нужны не сплочение вокруг Ельцина и не пляски на костях поверженного противника. Нам нужна критика данного варианта демократии, в котором идеи демократии все более подменяются идеей великой России, «ельцинского царства», возникающего на обломках Союза. Нужно сплочение всех тех, кого страшит эта перспектива, кому демократия дороже, чем партийные интересы, и тех, чьи интересы, не противореча принципам демократии, противоречат данному, исторически ограниченному ее воплощению. Если этого не произойдет, то сколько бы мы сейчас ни говорили о демократии, мы снова придем к тоталитаризму, который вернется в новом и поэтому неузнанном облике, как неожиданно, совсем не оттуда, откуда можно было предполагать — не от «белых», а от большевиков, — пришло возвращение, причем в многократно усиленной форме, худших черт самодержавия.

Первая русская революция «проскочила» на своем пути от самодержавия к большевистской диктатуре стадию демократии. И если история хоть чему-нибудь нас учит, мы должны сделать все возможное, чтобы не повторить ее путь.